

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

ВЯЛЬСОВА Анна Павловна

**ТИПЫ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)**

Специальность 10.02.01-10 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2008

**Работа выполнена в Отделе современного русского языка
Учреждения Российской академии наук
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН**

Научный руководитель:	кандидат филологических наук Надежда Константиновна Онипенко
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук Татьяна Егоровна Шаповалова (МГОУ) кандидат филологических наук Станислав Викторович Иванов (МПГУ)
Ведущая организация:	ГОУ Московский городской педагогический университет, кафедра русского языка и общего языкознания

Защита состоится «11» ноября 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.002.008.01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2).

Автореферат разослан «___» октября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

Лингвистику второй половины XX века принято характеризовать как антропоцентрическую, интегральную, текстоцентричную и объяснительную. Анализ текста позволил лингвистике по-новому взглянуть на традиционные грамматические объекты. Грамматическая система стала рассматриваться как инструмент порождения текста. В сферу русской грамматики вошли понятия, соединяющие семантику словоформы, синтаксис предложения и синтаксис текста. Одним из таких понятий стал таксис.

После статьи Р.О. Якобсона таксис понимается как категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения»¹. При этом временная сущность таксиса понимается либо в связи с категорией относительного времени (А.И. Бородина, Н.В. Перцов, Е.А. Реферовская и др.), либо в связи с категорией вида (Ю.С. Маслов). Идеи Р.О. Якобсона и Ю.С. Маслова получили свое развитие в работах Санкт-Петербургской грамматической школы (ТФГ) и работах последователей ТФГ (З.И. Годизовой, Н.М. Лисиной, Н.В. Берницкой, Н.В. Семеновской и др.). В концепции ТФГ таксис определяется как «выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесенность действий, соотнесенность в рамках единого временного плана»². В последние десятилетия ТФГ вступила в тот этап, когда для исследователей важно определить, что не относится к сфере таксиса (работы В.С. Храковского).

Объекты (деепричастие, причастие, однородные сказуемые и сложное предложение), оказавшиеся в поле зрения теории таксиса, параллельно рассматривались в других аспектах и в других терминах. Исследователи языков Сибири рассматривали осложненное предложение в связи с полиперсональностью (М.И. Черемисина, Т.А. Колосова), а на материале русского языка стала учитываться категория субъекта (модуса) в

¹ Цит. по первому русскому переводу статьи: Р.О. Якобсон. Шифтеры и другие глагольные категории и русский глагол. В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, стр. 101.

деепричастии (Т.В. Булыгина) и сложном предложении (Л.И. Иорданская, В.З. Санников). Появились работы, посвященные синтаксическому времени, и в отдельных работах таксис стал восприниматься как «лишняя» для грамматики русского языка категория (В.В. Шигуров, Т.Е. Шаповалова и др.).

Текстово-синтаксический взгляд (грамматическая школа «Коммуникативная грамматика русского языка» под руководством Г.А. Золотовой – КГ) на категорию таксиса показал, что временная составляющая – это одна из трех составляющих таксиса (наряду с модальностью и персональностью). Таксис в КГ понимается как грамматическая техника межпредикативных отношений. Такое понимание расширяет круг объектов, интерпретируемых в связи с категорией таксиса: сюда относятся не только сложные предложения, однородные члены и деепричастие, но и причастие в полном наборе форм, инфинитив, имена пропозициональной семантики.

Причастие, в отличие от деепричастия, практически не охватывалось теорией таксиса. С категорией таксиса соотносились преимущественно действительные причастия (Н.М. Лисина, З.И. Годизова). В конце 90-х Н.А. Козинцева обратила внимание на страдательные причастия, в таксисной связи которых соблюдается условие единого временного периода. В результате отношения многих причастных форм с основным предикатом продолжают оставаться категориально не определенными.

Немногочисленность исследований синтаксических и текстовых функций причастий, необходимость рассмотрения всех типов причастных конструкций на тех же основаниях, что и конструкций с деепричастием, а также возможность межпредикативного подхода к категории таксиса обуславливают **актуальность** настоящей работы.

² А.В.Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002, стр. 505.

Данная работа развивает направление, намеченное в «Коммуникативной грамматике», и рассматривает причастия как таксисные синтаксемы.

Объектом исследования в настоящей работе являются причастные конструкции с полными формами причастий. Причастия рассматриваются в связи с категорией таксиса, которая понимается как грамматический механизм межпредикативных отношений в пределах одного субъектно-модусного плана.

Теоретическая основа исследования – концепция «Коммуникативной грамматики», соединяющая системно-парадигматический и текстовый подход к грамматическим объектам.

Новизна исследования состоит в интерпретации причастия на уровне межпредикативного взаимодействия, т.е. в том, что при выявлении условий функционирования причастий учитывается степень участия в таксисной связи каждой из трех категорий – модальности, темпоральности и персональности, а также в том, что возможность/невозможность синонимической замены причастий деепричастиями объясняется разными функционально-текстовыми свойствами этих форм глагола.

Цель работы – представить условия функционирования причастных форм в связи с такими текстовыми категориями, как модус и точка зрения говорящего.

Сформулированная таким образом цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

- Уточнить понятие таксиса, построить типологию таксисных связей и доказать, что все причастные конструкции должны быть включены в сферу категории таксиса;
- Рассмотреть причастие как таксисную синтаксему и выявить возможные версии таксисного соотношения причастия с основным предикатом;

- Определить возможности синонимических отношений между причастиями и деепричастиями;
- Выявить текстовые функции предложений с причастиями, соединив проблематику таксиса с понятиями коммуникативного регистра речи и субъектной перспективы текста.

Диссертационная работа состоит из введения, теоретической главы, двух исследовательских глав, заключения и библиографии. В **первой главе** дается обзор работ о категории таксиса, рассматривается соотношение таксиса со смежными категориями, обсуждаются основные проблемы причастия. Во **второй главе** уточняется понятие таксиса и рассматриваются возможные для причастия типы таксисных отношений. В **третьей главе** обсуждаются условия синонимической взаимозамены причастия и деепричастия в тексте и текстовые функции причастия и деепричастия. Диссертационное исследование завершается **заключением**, в котором подводятся итоги и формулируются основные результаты исследования.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные идеи и наблюдения могут быть использованы в вузовских курсах русского языка, а также при написании учебников и учебных пособий для высшей и средней школы, при уточнении современных правил пунктуации.

Материалом исследования послужили тексты русской художественной литературы и публицистики XIX-XX веков.

Результаты исследования **апробировались** в виде докладов на международных конференциях в МГУ (2004), МГЛУ (2003, 2005 гг.) и МГПУ (2004, 2005).

Содержание работы

В **первой главе** «Теория таксиса и проблемы изучения причастий» рассматриваются два разных подхода к категории таксиса – категориально-грамматический (основанный на теории Р.О. Якобсона) и коммуникативно-

синтаксический. Сопоставляются понятия таксиса и предикативности, таксиса и времени, таксиса и эвиденциальности и др.

Поскольку понятие таксиса вошло в лингвистический обиход сравнительно поздно, то оно оказалось в кругу других категорий, что потребовало от лингвистов определения отношений между таксисом, предикативностью и дейксисом, таксисом и эвиденциальностью, таксисом, относительным временем и видом.

В диссертационном исследовании анализируются основания для соединения или противопоставления всех перечисленных категорий и делается вывод о том, что сама задача установления границ таксиса актуальна для категориально-морфологического подхода. Особенностью этого подхода является то, что таксис понимается как один из способов воплощения идеи времени. Категория таксиса при этом сближается с понятиями «вторичный дейксис» (Апресян 1995), «синтаксический режим интерпретации» (Падучева 1996).

При коммуникативно-синтаксическом подходе основное внимание уделяется механизму грамматической связности текста, т.е. совпадению/несовпадению двух предикатов по каждой из трех предикативных категорий. Включение в сферу таксиса категории модальности поставило перед исследователями вопрос о соотношении таксиса и эвиденциальности. Изучение научной литературы и анализ примеров в разных научных исследованиях убеждают в том, что отнесение к сфере эвиденциальности предложений с модальными формами глагола не позволяют представить все таксисные конструкции в системе. С учетом синтаксической парадигматики предложений к сфере эвиденциальности предлагается отнести лишь те случаи, когда речь идет о вербализованном модусе.

В главе обосновывается перспективность коммуникативно-синтаксического подхода к категории таксиса, который позволяет на системно-синтаксических основаниях описать конструкции не только с

двумя спрягаемыми глагольными формами, но и конструкции со всеми причастиями, девербативами, инфинитивами и признаковыми синтаксемами от конкретных имен.

Во втором разделе главы обсуждаются морфологические и синтаксические проблемы причастий. Для морфологии причастия наиболее актуальными являются проблемы статуса причастия в системе частей речи и количества грамматических категорий, выражаемых причастными аффиксами. Для синтаксиса причастий важно обосновать предикативную сущность этих форм, что и делается в этом разделе главы. Вместе с тем показано соотношение предикативной сущности причастия и его атрибутивной функции. Анализ научной литературы позволил прийти к выводу о том, что сущность причастия следует искать не в морфологии и не в синтаксисе обособленных оборотов, а в соединении синтаксиса предложения с синтаксисом текста, что требует другого определения причастий – не морфологическая форма глагола, а синтаксическая форма, или синтаксема, представляющая собой зависимый предикат.

Вторая глава начинается разделом, который вводит основные исследовательские понятия: таксис, типы таксисных отношений, категориальная доминанта, таксисная версия.

В основу определения категории таксиса кладется не общность временного плана двух событий (как в ТФГ), а субъектное единство модуса.

Таксис – это грамматическое отношение между двумя предикативными единицами по категориям темпоральности, модальности и персональности (субъекта) в рамках единого субъектно-модусного плана. Таксисная связь может отражать (1) объективную пространственно-временную смежность двух положений дел в сфере одного субъекта диктума; (2) связь между двумя положениями дел, не соположенными ни во времени, ни в пространстве, соединяющимися в рамках одного сознания; (3) два взгляда одного субъекта модуса на одно объективное положение дел.

(1) Отношение между двумя положениями дел (двумя диктальными предикатами) в рамках одного модуса названо в работе **одноплановостью**, например: *Открыв дверь, он вышел*;

(2) отношение между двумя диктальными предикатами, когда каждое из положений дел обусловлено своим модусом, но принадлежит тому же субъекту сознания, названо в работе **разноплановостью**. При этом учитывается совпадение/несовпадение по модусу. Совпадение двух положений дел по модусу – однорегистровость: *Перед камином сидел молодой человек лет двадцати шести, перебирающий листы английского романа (Пушкин) – два предиката объединены в рамках перцептивного модуса (репродуктивного регистра); Князь Андрей, любивший покровительственные отношения к молодым людям, польщенный тем, что к нему обращались за протекцией, и хорошо расположенный к Борису, который умел ему понравиться накануне, желал исполнить желание молодого человека (Л.Н. Толстой) – соотносимые предикаты обусловлены ментальным модусом (информативным регистром). Несовпадение по модусу – разнорегистровость: *Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой (Пушкин)*. Здесь субъектом сознания соотносятся три ситуации, различающиеся типами модуса: *явился* – наблюдение (перцептивный модус) и *водивший, смотревший* – знание (ментальный модус).*

Третий тип (3) таксисных отношений соединяет два диктальных предиката, представляющих одно событие (а) при переключении каналов восприятия в сфере одного субъекта модуса; ср.: *Осторожно нажал щеколду, дверь, скрипнув, отворилась (Шолохов) – один факт и два способа его восприятия: деепричастие – слух, а глагол – зрение; (б) при изменении типа модуса; ср.: *Дэзи застеснялась и немного скокетничала, медленно подняв опущенные глаза (А. Грин) – соединение интерпретационного глагола (ментальный модус) с деепричастием, обусловленным перцептивным модусом.**

Представленные типы таксисных отношений зависят от конкретных свойств таксисных синтаксем, которые, в свою очередь, обусловлены степенью участия каждой из трех предикативных категорий (модальности, темпоральности и персональности) в организации таксисной связи. Та категория, которая выдвигается на первый план в конкретном типе таксисных отношений и обуславливает таксисную сущность предиката, названа в работе *категориальной доминантой*. Категориальная доминанта определяет характер зависимости таксисной синтаксемы от основного предиката. Так, для деепричастия категориальной доминантой является темпоральность, выраженная видом, в то время как соотношение по категории лица с основным предикатом неизменно, для инфинитива – категория модальности во взаимодействии с категорией лица. В системе причастных форм наблюдается распределение категориальных доминант между различными формами. Для действительных причастий, как и для деепричастий, категориальной доминантой является темпоральность. Для страдательных причастий прошедшего времени важны две предикативные категории – категория персональности и категория темпоральности. Для страдательных причастий настоящего времени категориальной доминантой является персональность (тип субъекта), которая взаимодействует с категорией темпоральности или с категорией модальности. Распределение категориальных доминант по причастным формам определяет функциональное различие между ними. Ведущая роль персональности для всех причастных форм и ее взаимодействие с другими категориями является основанием для включения всех причастных форм в сферу таксиса.

Кроме понятия категориальной доминанты, в работе используется понятие **таксисной версии**, которая, в отличие от понятия «аспектуально-таксисная ситуация», принятого в ТФГ, соединяет параметры уровня предложения (относительное время, тип субъекта и предиката, регистровая принадлежность) и параметры уровня текста (статика/динамика, соотношение точек зрения, сюжетной и несюжетной информации).

Во второй части данной главы рассматривается соотношение таксисных версий и категориальных доминант в конструкциях с разными причастными формами. Основным приемом доказательства становятся синонимические перефразировки, что позволяет увидеть семантические сходства и различия между таксисно-обусловленными синтаксемами. Так, были выявлены следующие различия между причастием и деепричастием:

1. Деепричастие характеризуется одноплановостью, а причастие – разноплановостью.

В отличие от деепричастия, которое предполагает совпадение по модальности и по субъекту при возможном расхождении только по времени, причастие из-за значения абсолютного времени соотносится не только с основным предикатом, но с избранной точкой отсчета (с модусом – либо автора, либо героя). Соответственно, деепричастие выражает объективное соположение двух событий, как правило, связанное с внутренним контролем, а для причастия характерна субъективная (модусная) таксисная связь, как правило – с переключением регистра. Разноплановость (взаимодействие двух коммуникативных регистров) накладывает запрет на синонимическую замену причастия деепричастием; например: *Брыкович, когда-то (1) занимавшийся (*занимаясь) адвокатурой, а ныне (2) живущий (*живя) без дела у своей богатой супруги, содержательницы меблированных комнат "Тунис", человек молодой, но уже плешивый, как-то в полночь выбежал из своей квартиры в коридор и изо всей силы хлопнул дверью (Чехов) – соседний предикат употреблен в актуальном времени и не может быть точкой отсчета для причастий *занимавшийся*, *живущий*, имеющих узуальное временное значение (с точкой отсчета в модусе говорящего). Оба предиката связаны через одного субъекта сознания (автора/героя), который может передавать как наблюдение – глагол-сказуемое, так и знание – причастие. Сочетание двух диктальных предикатов, обусловленных разными типами модуса (коммуникативными регистрами) в версии с причастием, не соответствует синтаксической семантике деепричастия.*

Различия в типах таксисной связи были выявлены и в однорегистровых версиях, например: *Слуга, поскакавший (?поскакав) за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что дескать Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться* (Пушкин). Причастие *поскакавший* и глагол *воротиться* непосредственно соотносятся через сознание того, кто посылал, а в нашем случае через точку зрения повествователя. Непосредственной же объективной связи между этими предикатами нет, поскольку слуга должен был *поскакать, прискакать, поговорить* и *вернуться*, при замене на деепричастие, оказывается, что приказ слуга не выполнил.

2. Деепричастие, как правило, употребляется с личным субъектом.

Деепричастие связано с предикатом связью, которая зиждется на семантической соотнесенности деепричастия с другим глаголом, как правило, акциональным. Контроль над ситуацией действия может обеспечить только личный субъект, поэтому замена версии с причастием при неличном субъекте на версию с деепричастием невозможна: *В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая (* изображая) цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку* (Гоголь). При замене на деепричастие причастие *изображавшая* приобретает акциональную семантику, которая не сочетается с неличным субъектом и сочетается с личным, ср.: –*Мессир, я в ужасе, – завыл кот, изображая ужас на своей морде, – на этой клетке нет короля* (М.А. Булгаков).

3. В полипредикативных версиях, представляющих одну ситуацию в условиях единого воспринимающего субъекта, причастия и деепричастия работают по-разному: деепричастие тяготеет к частноперецептивной семантике, причастие к общеперецептивной³: этот тип таксисной связи

³ Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, стр. 415: «Перцептивация – усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана путем замены общеперецептивного выражения на частноперецептивное (ср.: *Он вышел из гостиной* и *Мышлаевский...заилепал шпорами из гостиной* – Булгаков)»

сказуемого с деепричастием представляет наблюдаемую ситуацию, в которой сказуемое обозначает наблюдаемое действие, а деепричастие является средством перцептивации. Это значит, что деепричастие в таких предложениях обозначает то же самое действие, что и сказуемое; поэтому общеперцептивный предикат можно опустить, оставив только частноперцептивный: *Сухо чмокнув, лопнула тонкая леса* (Шолохов) – *Сухо чмокнула тонкая леса*.

В версиях с причастием средством перцептивации является сказуемое, а причастие, напротив, выполняет функцию объяснения и конкретизации: *Где-то невдалеке натужно ревел совершающий посадку самолет* (Л. Кудрявцев). Два предиката относятся к одной и той же денотативной ситуации, на уровне модуса соединяются наблюдение и вывод. Ср. также: *Легкий, сухой ветерок, разнося сладкий запах сжатого хлеба, вевл с востока...* (А. Эртель) – *Легкий, сухой ветерок, вевший с востока, разносил запах сжатого хлеба*.

Страдательные причастия прошедшего времени рассматривались в связи с категорией персональности. Было показано, что страдательное причастие прошедшего времени прочитывается стативно или результативно в связи:

1) с регистровым оформлением причастной конструкции. Результатив связан с информативно-повествовательным регистром, а статив – с репродуктивно-описательным. Результативное значение причастия обусловлено информативным регистром и может создавать как (1) однорегистровые: *Что касается дома "Эльпит-рабкоммуна", то о нём был напечатан в газете "Накануне" весьма острый, ядовитый очерк, написанный неким писателем, которого я впредь буду называть синеглазым – тоже с маленькой буквы, как простое прилагательное* (В. Катаев), так и (2) разнорегистровые версии таксисных отношений с сохранением значения предшествования: *Дьячок Иван Николаевич принес мой портрет, написанный им с карточки* (Чехов).

Стативное значение причастия, обусловленное репродуктивным регистром (в значении многократно наблюдаемого действия возможен информативный регистр), обычно создает однорегистровые версии при одновременности двух положений дел. В репродуктивно-описательном фрагменте все причастия читаются стативно, например: *У крайнего угла улицы заметил я на воротах сероватого домика приклеенный большой лист бумаги. Наверху был нарисован пером конь с хвостом в виде трубы и нескончаемой шеей, а под копытами коня стояли следующие слова, написанные старинным почерком* (Тургенев) – возможность опустить связку *был* доказывает отсутствие динамики в данном контексте.

2) с категориальной доминантой – типом субъекта. Определенно-личный субъект обуславливает результитивное значение: *...и в возмездие беру этот цветок, сорванный её божественными пальчиками* (Тургенев).

Значение статива появляется в таксисных версиях с неопределенно-личным субъектом: *На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, <...>, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, <...> два пера, запачканные чернилами...* (Гоголь). Формой Твор. п. выражен инструмент или материал, а неопределенно-личный субъект не назван.

3) с семантикой глагола: семантика результиativa остается в глаголах со значением деятельности, распорядительных и негомогенных действий и др., маркирующих информативный регистр, в семантике которых содержится указание на субъекта воли и целеполагания (например, *воспитывать, наказывать, объяснять, копить*).

Лексическое значение причастия, образованного от релятивного глагола, становится «пустым», и причастную конструкцию, обусловленную репродуктивным регистром, можно заменить предложно-падежным

сочетанием: *Под фонарем стояли дежурный в красной фуражке и маленькая, залепленная снегом фигурка (= в снегу)* (В.Н. Войнович).

Страдательные причастия настоящего времени организуют таксисные версии с доминированием категории модальности и сложным взаимодействием категорий модальности и времени. Было показано, что наиболее употребительными являются конструкции, представляющие действие: 1) с точки зрения возможности его осуществления (*Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики*) и 2) в процессе его осуществления (*поменять условие в решаемой задаче*). Модальное значение возможности у страдательных причастий исследовал А.М. Пешковский (он считал их прилагательными, но для теории таксиса важно, что модальность выступает на первый план). В работе предложено сохранить за формами на *-мый*⁴ статус причастия, так как ирреальная модальность не исключает глагольности. Соответственно, в работе выделяются два значения у причастий на *-мый*: процессуальное и потенциальное.

Возможность прочтения причастных форм в процессуальном или потенциальном значении зависит от 1) коммуникативного регистра, 2) от категориальной доминанты и 3) от семантики глагольного корня.

1) Причастия с процессуальным значением обусловлены репродуктивным регистром и образуют однорегистровую версию: *А! Воин! Бонапарта завоевать хочешь? — сказал старик и тряхнул напудренною головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся в руках Тихона* (Л.Н. Толстой). В случае наложения на актуальную ситуацию значения многократности может появляться информативный регистр, и соответственно, (1) однорегистровые и (2) разнорегистровые версии: (1) *После обеда - сиденье под лампою перед Цезарем, которого не перевозжу, но делаю вид, что перевозжу; под Цезарем — роман, читаемый украдкой* (А. Белый); (2) *Не сразу решился я заглянуть в чайхану — мне можно было бы*

⁴ В данной группе причастий не рассматриваются формы, мотивированные глаголами совершенного вида, типа *нестерпимый*.

в те поры приписать комплекс неполноценности, – но однажды все-таки переступил ее порог, сел за столик и заказал чай, подаваемый, как в старых русских трактирах, в двух чайниках (О. Волков).

2) Процессуальное значение в причастных формах актуализируется

(а) конкретным, определенно-личным субъектом: *–Убирайся, – сказал Бронский, надевавший подаваемый лакеем сюртук (Л.Н. Толстой);*

(б) неопределенно-личным субъектом: *На дворе загремел подаваемый экипаж (Г.П. Данилевский). Неопределенно-личный субъект употребляется при причастиях этой группы, если субъект не важен, а значимость представляет только действие, выраженное причастием. Если же в причастной форме делается акцент на модальной оценке действия, то актуализируется категория модальности, при этом ситуация «перемещается» из времени актуального в сферу потенциальной модальности, потенциального будущего, а место конкретного субъекта занимает обобщенно-личный (все или никто): *Точно желая стереть нестираемый отзвук его, все заговорили оживленно и громче обычного (А.С. Серафимович).**

3) Ряд глаголов с узואально-характеризующим, непроцессуальным значением, обусловленных информативным регистром, не образуют модального значения (например, *воспитывать, любить, обожать*): *Вскоре после вечера Анны Павловны Анна Михайловна вернулась в Москву, прямо к своим богатым родственникам Ростовым, у которых она стояла в Москве и у которых с детства воспитывался и годами жила ее обожаемый Боренька (Л.Н. Толстой).*

Рассмотренные таксисные версии действительных и страдательных причастий позволили затронуть и проблему адъективации причастных форм (за исключением тех случаев, когда адъективация констатируется в связи с потерей словообразовательных связей с мотивирующим глаголом – *несгораемый шкаф, нерастворимый сахар, выдающийся ученый*).

В работе предложено считать основным признаком адъективации нарушение таксисной связи по субъекту. Отличие причастия от прилагательного заключается не в том, что одна форма имеет грамматическое значение времени, а другая нет, а в том, что время причастия соотносится со временем говорящего. Утрата соотношения со временем говорящего, то есть утрата соотношения с модусом, и является условием утраты таксисной связи. Было рассмотрено несколько конструкций, в которых возможно нарушение таксисной связи по субъекту: (1) конструкция с причастием настоящего времени при словах *походка, голос, дыхание* (*Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задышающимся голосом* (Достоевский); *Пехотный полковник вздрагивающею походкой подошел к лошади...* (Л.Н. Толстой); (2) конструкции с причастием на *не...-мый*, в которых из-за обобщенного значения субъекта при модальности невозможности (никто) акцент делается не на субъекте действия, а на его объекте, конструкция приближается по значению к термину (*непроизносимые согласные, неделимые частицы, непокупаемый товар* (маркет.), *нераспечатываемые файлы, неотстирываемое пятно*). Свидетельством адъективации можно считать утрату таксисного соотношения по регистру, причастие с ирреальной модальностью употребляется в актуальном времени: *Пожелтевшие страницы старой-престарой бумаги, черные, местами выцветшие чернила, чужой, странный, почти нечитаемый почерк* (Б. Васильев).

В **третьей главе** рассматриваются текстовые функции причастий, связь причастий с такими текстовыми категориями, как «образ автора», точка зрения стороннего наблюдателя, сюжетное и внесюжетное время.

Первый параграф посвящен регистровым условиям употребления действительных причастий настоящего времени. Была выявлена конструкция действительного причастия настоящего времени с вербализованным перцептивным модусом, в которой модусный глагол вступает в два типа отношений: таксисно он связан с предшествующим предикатом, но для

последующего предиката он оказывается точкой отсчета. Модусный глагол обнаруживает совпадение/несовпадение точки зрения автора и точки зрения героя. Ср.: *Ровно в половине двенадцатого Герман ступил на графинино крыльцо и вошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю, и увидел слугу, спящего под лампой, в старинных, запачканных креслах. Легким и твердым шагом Герман прошел мимо его* (Пушкин) – форма настоящего времени действительного причастия указывает на то, что наблюдателем становится Герман; форма прошедшего времени (*спавшего*) соотносила бы ситуацию с прошлым знанием автора.

Употребление причастия прошедшего времени после перцептивного предиката объясняется в работе интенцией автора сохранить свою точку зрения, как в следующем примере: *В эту самую минуту раздался приятный женский голос: "Не бойтесь, она не укусит". И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника* (Пушкин).

Было показано, что предложения с действительным причастием настоящего времени при невербализованном модусе чаще всего употребляются для создания эффекта «крупного кадра»: *Он [Тушин] стоял перед Багратионом с дрожавшей нижней челюстью...; Что выражалось во всей круглой фигуре графа, у Марьи Дмитриевны выражалось лишь в более и более улыбающемся лице и вздергивающемся носе* (Л.Н. Толстой).

Второй параграф посвящен разноплановым таксисным версиям с причастием, которые 1) организуют композицию текста; 2) являются средством ранжирования сюжетной и внесюжетной информации; 3) обнаруживают структуру «образа автора».

Основное внимание было уделено двум функциям причастий: характеризующей и функции отсылки к предшествующему контексту.

Причастная конструкция в характеризующей функции употребляется при имени, упомянутом в первый раз, в контекстах, обусловленных

информативным регистром; при этом причастие организует разнорегистровые таксисные версии. Например: *Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте* (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его – где изображен господин с запыленной щекою и надписью: "И кровь отворяют" – не выставлено ничего более), *цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба* (Гоголь) – в этом предложении разнорегистровая таксисная связь представляет соотношение актуального (сюжетного) времени и узувального времени – несюжетной информации о герое.

Причастные конструкции в характеризующей функции не двигают сюжетное время вперед, а являются средством монтажа сюжетного и несюжетного времени. Информация, выраженная причастием в характеризующей функции, как правило, связана с точкой зрения автора.

В качестве особого средства предъявления авторской точки зрения была проанализирована причастная конструкция, состоящая из [как, (+/- и)+ нереферентное имя + причастный оборот]: *Графиня, конечно, не имела злой души, но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему* (Пушкин). Было показано отличие этой конструкции от собственно-сравнительной конструкции, которая выражает отношения между двумя параллельными мирами: *Генерал и полковник строго и значительно смотрели, как два петуха, готовящиеся к бою, друг на друга, напрасно выжидая признаков трусости...* (Л.Н. Толстой) – причастие здесь только конкретизирует ситуацию, тем самым ограничивая сравнение. Интересующая нас конструкция, например, *Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка* (Л.Н. Толстой) – содержит именной компонент *как все люди*, который не может образовывать сравнительный оборот, так как не несет на себе основной смысл конструкции, а является квантором обобщения и может быть удален. Данный оборот формально не перестает

быть сравнением, но семантически сравнением он не является. В работе такая конструкция была названа несобственно-сравнительным оборотом.

Действительные и страдательные причастия прошедшего времени, обусловленные информативным регистром и употребленные при референтном имени, являются средством отсылки к предшествующему событию и средством обнаружения композиционных связей⁵. Например, *Он [Лаевский] взял перо и написал дрожащим почерком: "Матушка!" <...> но он вспомнил, как его мать, полная, грузная старуха, в кружевном чепце, выходит утром из дома в сад, а за нею идет приживалка с болонкой, как мать кричит повелительным голосом на садовника и на прислугу и как гордо, надменно ее лицо, – он вспомнил об этом и зачеркнул написанное слово* (Чехов). Причастие может отсылать не только к предшествующему контексту, но и к сфере автора: *Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места; в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин* (Гоголь) – сфера автора. *У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге* (Гоголь) – в этом предложении «включается» сфера героя, но фрагмент информативного регистра отсылает к знанию автора.

Последний параграф посвящен анализу текстовых функций причастия и деепричастия. В главе рассмотрены три версии синонимического пересечения причастия и деепричастия в рамках изолированного предложения.

1. Однорегистровая таксисная версия с личным субъектом при одновременности или разновременности двух действий.

⁵ К подобным выводам приходит Н.А. Николина, анализируя поэтические тексты с причастиями и деепричастиями.

В тексте эти версии выполняют разные функции: версия с деепричастием выражает динамику событий и способствует движению сюжета, а версия с причастием организует описательные фрагменты. Разворачивание сюжетного времени происходит в условиях сохранения единой точки зрения автора или героя.

Для причастий характерно обозначение сторонней точки зрения, а для деепричастия возможна и точка зрения автора, и внутренняя точка зрения героя, поэтому деепричастие является главным таксисным средством организации динамики сюжета. Например, *Желто-рыжий дворник, увидавший (увидав), что Николка вооружен, в отчаянии и ужасе пал на колени и взвыл, чудесным образом превратившись из Нерона в змею* (М.А. Булгаков). В варианте с причастием удерживается точка зрения Николки, если заменить причастие на деепричастие в данном контексте, то изменится точка зрения – она будет принадлежать не Николке, а дворнику, и отрывок приобретет динамику.

Снятие динамики в конструкциях с причастиями связано с категорией определенности/неопределенности. Поскольку причастие объединяет в себе функции сказуемого и определения, то оно характеризует нереферентный субъект, тем самым, делая его более конкретным, определенным: *Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, <...> домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам...* (М.А. Булгаков). Деепричастие, наоборот, предполагает соединение с уже известным, определенным, охарактеризованным предметом. *Григорий Александрович, войдя в свой кабинет, повалился в широкие кресла* (Лермонтов).

2. Однорегистровая версия с неличным субъектом при одновременности двух действий.

Деепричастие, образованное от акционального глагола, может относиться к неличному субъекту, при этом возможны два смысловых эффекта: 1) в предложении выражается движение взгляда наблюдателя,

например: *Впереди, где канал загибался, поднимались красные стены церкви, убегая в высокую башенку и зеленый шпиль* (А. Белый). 2) происходит олицетворение, оживление субъекта. Это свойство деепричастий было рассмотрено на примере стихотворений Б.Л. Пастернака. В следующих стихотворениях олицетворение усиливается семантикой глаголов, от которых образованы деепричастия:

*Вот путь перебежал плотину,
На пруд не посмотревши вбок...* (Дорога)

*...И жарко белым облакам
Грудиться, строясь в батальоны...
...Гроза в воротах! на дворе!
Преображаясь и дуряя,
Во тьме, в раскатах, в серебре,
Она бежит по галерее* (Июльская гроза).

В последнем стихотворении деепричастие используется как одно средство олицетворения, наряду с категорией состояния: *жарко белым облакам*.

Если деепричастие образовано от неакционального глагола, а субъект предложения неличный (предметный, пространственный), то оно попадает в предложение, выражающее статику и статичного наблюдателя, и свободно заменяется на причастие: *Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь (клубящиеся) и извиваясь (извивающиеся), как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал...* (Лермонтов). При замене на причастие теряется олицетворение и динамика.

3. Синонимия перфектного деепричастия со страдательным причастием прошедшего времени: *сидеть опустив голову* – *сидеть с опущенной головой*. Анализ текстовых фрагментов помогает обнаружить функциональные различия между этими формами. Для сравнительного

анализа были выбраны «Немая сцена» из «Ревизора» Н.В. Гоголя и искусствоведческое описание картины.

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и запрокинутой назад головою. По правую руку его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Сценичность этого фрагмента предполагает взгляд стороннего наблюдателя, этим объясняется обилие стативных причастных форм в тексте. Все выделенные причастия в изолированном контексте могли бы быть заменены деепричастиями, однако данная сцена создает специальные условия для употребления причастных форм. Эти контекстуальные условия связаны с отсутствием глаголов, которые удерживали бы время, и наличием пространственных предикатов. В этом тексте динамика полностью снята, перед нами – чистое описание. Причастные формы используются здесь, чтобы фиксировать предшествующую динамику. Этот фрагмент интересен еще и тем, что

является наглядным примером описательной функции причастия: в нем употреблено 19 причастных форм.

С другой стороны, в текстах – описаниях картин частотны не причастия, а деепричастия; например:

Властный старик с беспорядочными космами седых волос и небритым подбородком, с гордой осанкой и неотступной думой на челе сидит, чуть откинувшись назад в своем низком кресле в тесной и темной избе. К нему прижалось трое детей. Мальчик, опустив глаза и подперев рукой голову, машинально счищает пальцем оплывший воск с подсвечника. (М.В. Алпатов). В этом фрагменте глаголы удерживают время, деепричастие при акциональных глаголах создает эффект живой картинки. Было показано, что толкование картин, как правило, дается динамично. Цель интерпретатора картины – оживить ее.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Наиболее важными из них являются следующие:

1. Таксис – грамматическая техника межпредикативных связей, которая характеризуется двумя измерениями: диктальным и модусным. Такое понимание расширяет сферу таксиса и включает в нее не только одноплановые синтаксические связи (как в ТФГ), но и разноплановые. Нарушение связи по модусу приводит к адъективации причастий.
2. Тип таксисной связи и свойства таксисных синтаксем обусловлены категориальной доминантой; причастные формы различаются категориальными доминантами: действительные причастия – темпоральность, страдательные причастия – персональность (в разном соотношении с модальностью и темпоральностью).
3. Причастие как таксисная синтаксема характеризуется разноплановой таксисной связью в двух разновидностях: однорегистровой и полирегистровой, в отличие от деепричастия – одноплановой (однорегистровой) таксисной синтаксемы.

4. В синонимические отношения вступают однорегистровые версии, организуемые причастиями и деепричастиями. Взаимозамена в тексте выявляет следующие различия между причастием и деепричастием: деепричастие отражает внутреннюю точку зрения, причастие – внешнюю; деепричастие характерно для динамических контекстов, причастие обслуживает статические ситуации.
5. Глаголы перцептивной семантики являются точкой отсчета для предикативных категорий в действительных причастиях. Конструкции с действительными причастиями настоящего времени обнаруживают точку зрения героя; конструкции с действительными причастиями прошедшего времени выражают точку зрения автора.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Интерпретационные глаголы и проблема таксиса // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 302-303.
2. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. 2005. №2. – С. 36-45.
3. К вопросу о синтаксической синонимии причастных и деепричастных форм глагола // Восьмые международные Виноградовские чтения. Русский язык: уровни и аспекты изучения: Сборник научных трудов. М.: Изд-во МГПУ, 2005. – С. 64-70.
4. Причастие в особых синтаксических конструкциях // Девятые международные Виноградовские чтения. Функционирование языка и речи: Сборник научных трудов. М.: МГПУ, 2006. – С. 102-108;
5. О синтаксической обусловленности интерпретационных глаголов // Язык и мы. Мы и язык: Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. М.: РГГУ, 2006. – С. 380-395.